

МАМА — КОМУНИСТ,
ПАПА — ФУТБОЛИСТ

— Я помню себя с пяти лет. Был я очень маленький и очень худой. До тридцати трех лет весил сорок семь килограммов. Вес мухи. Потом уже перешел в мужской вес — спорт помог, да и возраст.

Выступать начал в детском саду. Обычно меня ставили на стул, и я начинал «изображать». И было все это в Одессе — там я родился в 1939 году. Мой отец был профессиональный футболист, а мама — секретарь партийной организации Одесской обувной фабрики. Стахановка. Началась война. Отец ушел на фронт, дошел до Берлина. Но еще успел побывать в трех гетто, бежал из них.

Потом стал футбольным судьей. А вообще поменял массу профессий. Был продавцом в магазине, сбивщиком тары для фруктов. Мы с мамой ему помогали летом — подрабатывали. Это все, опять же, было в Одессе. Вернулись в нее из эвакуации, и наш дом напротив Оперного театра оказался целым.

Мои родители всегда спорили. Мама коммунисткой была

— А что вы от меня хотите?
— Умного разговора на любую тему.
— Умного не получится. А тема...
Потом, когда встретились, говорили о многом.
Но мне кажется, сквозная тема была:
КАРЦЕВ БЕЗ ИЛЬЧЕНКО.

убежденной, идейной. А папа уже тогда все понимал. Он купил приемник «Рига-10» — по тем временам очень дорогой. И по ночам слушал «Голос Америки». Это, между прочим, в пятидесятые годы! Он слушал, а мама закрывалась одеялом, повторяла: «Нас всех посадят».

Она в полночь приходила к партийным собраниям и тихонько пересказывала отцу содержание очередного закрытого письма. Чтобы я не слышал. А я слышал.

Благодаря отцу многие наши родственники уехали за рубеж и хорошо живут. А мама — святая, — верила в светлое буду-

щее, в город солнца и не хотела уезжать.
В семь лет я пошел в школу. Учился плохо. Как хотел, так и учился. Мог хорошо. В армию меня не взяли из-за астигматизма. Работал наладчиком на швейной фабрике, на обувной. Шесть лет проработал. Там, где работал, был в самодеятельности. Дошел до республиканского конкурса в Киеве и даже до Москвы. У меня был очень хороший партнер Леша Зубакин. Он был похож на Ильченко, только не такой талантливый.

ПРОСТО ГЕНИАЛЬНЫЙ РАЙКИН

Впервые увидела Карцева в спектакле Райкина. До сих пор помню «А вас». Казалось, и текста-то не было в этой миниатюре. И давно это было. А зрители, не только я, помнят все интонации.

— В Одессе появился студенческий театр миниатюр «Парнас-2». На этом «Парнасе» оказались Жванецкий, Ильченко, Губенко. А я не шел в «Парнас». У меня же был Дворец моряков! В «Парнас» пришел только в 1960 году. Тогда Райкин был властителем наших дум. Нам хотелось походить на него. Мы сами писали, сами играли и пользовались большим успехом.

В 1961 году поехал в Москву в цирковое училище. До этого уже дважды поступал в Одесское театральное — не приня-

ли. В город солнца и не хотела уезжать.
водный институт с отличием, ГИТИС — с отличием. Ему достаточно было посмотреть глазами текст, и... все. Короче, осенью я, Мила Гвоздикова и Витя приехали в Ленинград к Райкину. В 64-м к нам подключился Миша Жванецкий, который до того работал сменным механиком Одесского порта. Бросил все, приехал, стал писать для Райкина.

Зарабатывали мы по восемьдесят восемь рублей в театре. Двадцать пять платили за угол. Единственное спасение — поездки за границу: в Румынию, Польшу, Англию. Платили гроши. Но все же мы могли как-то одеться, повидать мир.

В Ленинграде было много друзей — Сергей Юрский, Миша Барышников, актеры Товстоноговского театра, театра Владимира Маяковского. Мы с Витей выступали на их вечерах. Нас вообще больше тянуло к театру, чем к эстраде. Но приходилось на эстраде выступать много — деньги были нужны. У Вити уже была семья. В 69-м и я женился. Вы спрашиваете, как меня при моем мушкетерском весе взяли в мужья? На руках и взяли. Моя жена, большая русская красавица, рост 170, очень добра, умная. Она до сих пор носит меня на руках. Но не так долго, как раньше, — я же потяжелел. Доносит только до первого этажа. А выше и не надо — я живу на первом этаже.

Наш с Витей дуэт сложился естественно. Мы жили с ним в едином ритме: в одном гости-

старые знакомые

квартиру, что-то пообещал и не выполнил. А его просто не хватало на всех. Все отнимало искусство. Но путь его был настолько тернист, настолько полон всякими запретами... Особенно натерпелся от Романова — тот-таки выдал Аркадия Исааковича из Ленинграда. И Райкин, который был уже очень немолод и очень нездоров, переехал в Москву, сделал всем своим актерам квартиры, сделал театр. Одному Богу известно, сколько порохов для этого пришлось великому артисту одолеть, в скольких кабинетах и чего наслушаться! Театр теперь у Кости, который перенял святую одержимость отца, работает так же неистово и очень талантливо.

ВСЕ ЗАПРЕЩАЛИ, ПОТОМУ ПРИШЛОСЬ УЕХАТЬ В МОСКВУ

— Когда вам было легче работать: во времена запрета или теперь? Вас часто запрещали!

— Работать всегда тяжело. Может, потому, что главный цензор — мы сами. А запрещали нас бесконечно. В 1970 году, когда приехали втроем в Одессу, сделали два спектакля с Витей, а их не пропустили. В Одессе даже ликеро-водочный завод не разрешил играть, если было что-то о пьянстве, о вине: «А у нас что, все пьют». Нельзя, и все. Все запрещали. А мы играли. Но из-за киевских властей пришлось из Одессы уехать в Москву — в Москов-

ский театр миниатюр. Идея переезда была Витина. Но сделать это, хотя руководитель Рудольф Рудин нас пригласил, было очень трудно: мы отказались участвовать в правительственном концерте. Помог Кобзон. Почему он? Я знаю, о нем говорят разное. Ищут какую-то корысть в его поступках. Зря ищут. Нет тут никакой корысти. Есть просто Кобзон, который помогает огромному количеству людей. Он вечно кого-то прописывает, кого-то вытаскивает из тюрьмы. Конечно, у Кобзона связи, он участник правительственных концертов. Он может войти в такие двери...

Я так не умею. Я никогда не мог найти общий язык с директорами фабрик, на которых работал. Я вспыхивал, завожусь с пол-оборота. А вот Витя мог... Он всегда у нас был впереди. Он же сам когда-то был начальником, чиновником, знал всю эту кухню. Я находил общий язык с одесситами, с торговцами на базаре. У меня масса друзей среди врачей. И не очень много друзей среди артистов. Мне вообще кажется, что надо дружить с людьми не своей про-

фессии. Хотя друзей не выбирают. Они выбирают тебя... Собственно, нашей встрече с Романом, нашей беседой я обязана врачу Владимиру Мудрану. Владимир — давний друг Романа. Володя рассказал, что однажды решил встретить Новый год вдвоем с женой. В полночь вдруг звонок в дверь. Открывает: на пороге, расстелив дубленку, лежит Роман. Володя предлагает пройти, выпить за Новый год. Роман отвечает: «Выпьем, но только у меня дома. Соберитесь и поехали ко мне». Собрались и поехали. Ну, какой Новый год без друзей!

— В Московском театре «Эрмитаж» мы проработали восемь лет. Это там были «Чехонте», «Когда мы отдыхаем», «Браво, сатира!», «Искренне ваш!», «Избранное Жванецкого», Хармс. А через десять лет ушли из Эрмитажа к чертовой матери — создали свой театр. Сделали два спектакля — «Птичий полет» Жванецкого в постановке Марка Розовского, «Политическое кабаре» — тоже Миши в постановке Евгения Ланского.

ВСЕ УЕЗЖАЮТ, А МЫ ЕДИМ НА ГАСТРОЛИ

В конце зимы я сутки провела в Шереметьево-2 — такое было редакционное задание. Провожали и самолет израильской авиакомпании «Эль-Аль». В основном летели на нем те, кто навсегда покидал страну. Был среди пассажиров и очень грустный Роман Карцев: «Впервые еду на гастроли без Вити».

— Последние пять лет, благодаря тому, что многие уезжают за рубеж, мы едим туда на гастроли. Наша публика почти вся там теперь. Одесса на Брайтоне. Свои в Аргентине, в Германии, Израиле. Кругом русские немцы, русские евреи, русские украинцы, русские русские.

С Виктором были в Штатах, Австралии, Германии, Израиле. Везде успех, аншлаг. А последний раз выступали с Витей в Киеве, во Дворце спорта. Это было 28 декабря прошлого года. Витя уже очень тяжело болел. Но держался, выходил на сцену. А 21 января нынешнего года он умер. Панихида была в театре Эстрады. Пришло очень много хороших людей. Потом были вечера памяти Вити в Москве и в Одессе. На этом наша жизнь кончилась. Сейчас у меня существование. Очень трудное без него во всех отношениях.

Мы с ним проводили шахматные турниры. В гостинице за ночь умудрялись сыграть 24 партии. В отпуск всегда вместе. Он очень хороший актер, партнер, друг. А вообще-то мы

с Витей клоуны. То он грустный, то я. Кстати, и критики писали о нас, как о клоунах. А мы приучали зрителя к трагическим миниатюрам, чтобы все не свелось к «А вас».

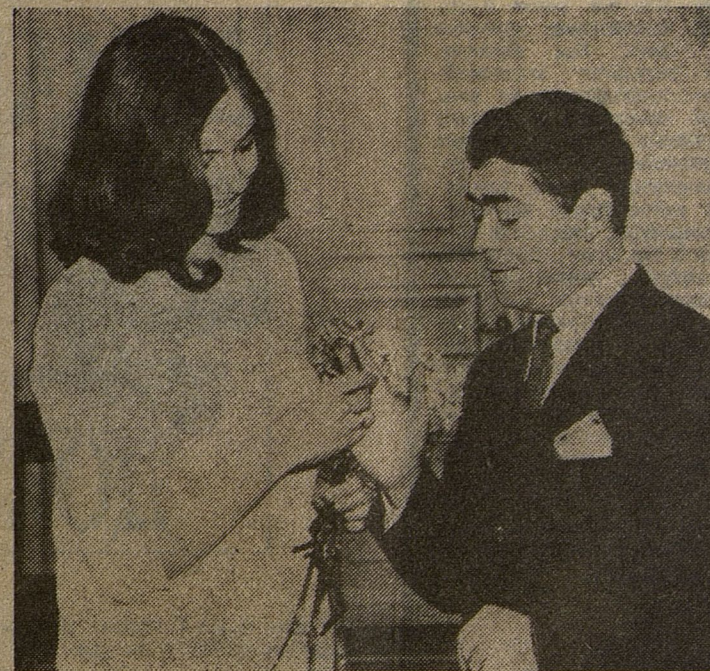
Был у нас спектакль «Браво, сатира!» — его ставил Роман Виктюк. Там такая миниатюра «Обед». Младший научный сотрудник приглашает на обед своего начальника, чтобы тот что-то подписал. Миниатюру мало заметили. А жаль: Витя в ней играл большого начальника просто гениально. Не знаю, кто может еще так это сделать.

За тридцать лет работы мы с ним поссорились всего два раза. Не поссорились — повздорили. Сейчас все приходится делать одному. Кое-что играю за двоих.

ЖВАНЕЦКИЙ НЕ ХОТЕЛ БЕЖАТЬ

Дважды, не отрываясь от экрана, смотрела «Бегуна» Романа Карцева. Там практически нет текста. Там есть только бегущий Роман. Но как бегущий! Какой Роман! Нельзя даже представить, что такое может сделать другой актер. Впрочем, как и «граков», которые вчера, но очень большие...

— Вы неправы! «Бегун» — это все от автора, от Михаила Жванецкого. Мы с Витей сыграли пятьсот вещей Миши. Кто может похвастаться таким количеством вещей всего одного автора за тридцать лет? Вот так нам с Витей повезло. Ведь лицо

театра — автор. У нас в основе великолепный текст. Не каждый артист может пробежать десять минут и бесконечно говорить. Но я же занимаюсь спортом. Я по утрам бегаю, семь-восемь километров каждое утро. Люблю плавать.

Миша написал «Бегуна» о себе. Это ему врачи посоветовали сбросить лишний вес. Вот я и думал о том, как Миша бежал, проклиная своих друзей, которые велели бежать. Я представил ребенка, в которого впишутся пиццу, когда он не хочет есть. То, что вы видели на экране, это первый мой «Бег» — Рязанов заставил показать миниатюру. Сейчас я играю ее по-иному. Есть вещи, которые идут по несколько секунд, но забирают столько энергии... Тогда устаю. А после «Бега» — нет. Когда мы играли с Витей «Политическое кабаре» полтора часа, где танцы, пластика, в

конце, выходя на поклон, я делал кульбит, прыгал. И знакомые запоминали именно это: кульбит, прыжки. А для меня это проще, чем танцы, пластика. Я же неспроста хотел поплавать в цирковом училище...

Сейчас с Марком Розовским и Жванецким делаем спектакль о нашей жизни. Немного политики. Воспоминания о Вите, об Одессе — обо всем понемножку... Без Вити.

Витин портрет висит в главной комнате офиса Московского театра миниатюр, что на Тверской-Ямской. В этой комнате, под этим портретом Роман Карцев один, без Виктора Ильченко, разговаривал со мной...

Ирина
КРАСНОПОЛЬСКАЯ.

Р. С. Сначала он настойчиво предлагал мне ограничиться одной простой фотографией, которая бы иллюстрировала нашу беседу. Но редакция посчитала это недостаточным и дала поручение: во что бы то ни стало раздобыть снимки из семейного альбома, те самые, о которых, в сущности, говорит сам Карцев, повествуя о жизни, творчестве, друзьях. Выполнить это задание редакции оказалось невероятно сложно. И, мне кажется, я что-то еще очень важное поняла в своем собеседнике. Роман Карцев любит, когда на него смотрят тысячи глаз. Но терпеть не может, когда подглядывают.